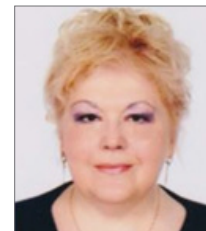

Логико-речевые ошибки текстов судебных постановлений и решений

Аннотация. Требования к языку юриспруденции в целом и к текстам судебных постановлений в частности составляют довольно значительный перечень, где одним из основных требований является однозначность языковых выражений, отсутствие любого рода ошибок. Однако судьями эти требования и принципы нередко нарушаются, чаще всего бессознательно. Исходя из многолетней практики составления судебных лингвистических экспертиз, авторами установлено, что среди наиболее часто встречающихся логико-речевых ошибок в текстах судебных постановлений фигурируют логические (противоречия, ложные противопоставления, отсутствие обоснования, смешение частного и общего), формально-правовые (отсутствие конкретики, пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи), речевые (возможность двойственности толкования смысла, обусловленная неоднозначностью лексического значения слов или грамматического значения предложения) ошибки. Данные ошибки рассматриваются на примере частного судебного постановления. Предлагаются возможные причины таких нарушений, основные из которых — экстралингвистические, недостаточно высокий уровень владения русским литературным языком.

Ключевые слова: логико-речевые ошибки, противоречие, обоснование, толкование смысла, смысловая двойственность, язык юриспруденции, судебное решение, судебная лингвистическая экспертиза

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.089-099

Елена Николаевна РЯДЧИКОВА,
профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор
e.n.ryadchikova@gmail.com
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Ольга Александровна КАДИЛИНА,
доцент кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
oakadilina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Elena N. RYADCHIKOVA,

*Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics,
Kuban State University,
Dr. Sci. (Philology), professor
e.n.ryadchikova@gmail.com
149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, Russia, 350040*

Olga A. KADILINA,

*Associate professor of the English language department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Senior lecturer of the Medical Institute
Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
Cand. Sci. in Philology
oakadilina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

Logical and Speech Errors in Judicial Texts Resolutions and Decisions

Abstract. *The requirements for the language of jurisprudence in general and for the texts of court rulings in particular include a rather significant list, where one of the main ones is the unambiguity of linguistic expressions and the absence of any kind of errors. However, judges often violate these requirements and principles, most often unconsciously. Based on the long-term practice of compiling judicial linguistic examinations, the authors have established that the most common logical and speech errors in the texts of court decisions are logical (contradictions, false oppositions, lack of justification, mixing of private and general), formal legal (lack of specifics, retelling of other people's words instead of fixing direct speech), speech (the possibility of ambivalence in the interpretation of meaning due to the ambiguity of the lexical meaning of words or the grammatical meaning of a sentence). These errors are considered on the example of a private judicial case. Possible causes of such violations are suggested, the main of which are extralinguistic, as well as an insufficient level of proficiency in literary Russian.*

Keywords: *logical-speech errors, contradiction, justification, interpretation of meaning, semantic duality, language of jurisprudence, judicial decision, forensic linguistic expertise*

При вынесении судебного решения, постановления необходимо выстроить текст таким образом, чтобы исключить его непонимание либо двойное толкование и нивелировать возможные лазейки при его выполнении. Выводы из текста такого рода должны быть однозначными и четко отражающими замысел документа. «В теории менеджмента и юридической практики, например, основной задачей является принятие управленческих решений, которое должно основываться на формировании состава участников и конкретизации их функций, вычислении рисков с целью ликвидировать возможные неясности и неточности... Эмоциональный аспект должен быть полностью исключен»¹.

И хотя в настоящее время когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки еще крайне мало разработаны, совместные усилия лингвистов и юристов уже позволяют в значительной степени выработать и систематизировать основные принципы языка права, определить наиболее продуктивные подходы к его использованию. В частности, «в основе герменевтического подхода и интерпретационных технологий языка права лежат принципы логико-семантической взаимокорреляции, смысловой ясности, точности и однозначности, категориально-понятийной эквивалентности»².

Однако на деле оказывается, что при вынесении судебных постановлений данные принципы бывают подвержены нарушениям. Представляется, что главными причинами этого является субъективный фактор, составляющие которого — недостаточная рациональность мышления, недостаточно высокая речевая грамотность, а также неспособность судьи преодолеть собственную симпатию и антипатию, предвзятость в отношении участников процесса.

Многолетняя практика проведения лингвистических исследований и составления заключений судебного эксперта и специалиста позволила выявить ряд логико-речевых ошибок, содержащихся в текстах некоторых судебных постановлений. Чаще всего в них встречаются логические противоречия, ложные противопоставления, отсутствие конкретики, смешение частного и общего, отсутствие обоснования, пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи, возможность двойственности толкования смысла, обусловленная неоднозначностью лексического значения слов или грамматического значения предложения.

Рассмотрим подробнее указанные ошибки на примере текста постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым, суть которого сводится к выражению неудовольствия поведением адвоката А. Б. Сидорова (все фамилии, имена и отчества изменены) в судебном заседании и завершается обращением к президенту Адвокатской палаты N-ской области.

¹ Рядчикова Е. Н., Хитарова Е. Г. Когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 172.

² Шипков К. А. Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права (на материале терминосферы «Теория государства и права») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь : СтавГУ, 2004. С. 7.

1. Логические противоречия

В тексте указанного постановления говорится:

«В ходе судебного заседания 14 августа 2024 г. адвокат Сидоров А. Б., не обращая внимание на неоднократные замечания суда о необходимости соблюдения регламента судебного заседания, объяснил свое поведение тем, что не контролирует свои действия».

Противоречие заключается в том, что в рассматриваемом постановлении ничего не говорится о *действиях* адвоката А. Б. Сидорова. Понятие «действие» по отношению к человеку предполагает наличие конкретных поступков, определенных телодвижений. Однако ни о каких поступках адвоката А. Б. Сидорова судья И. К. Федорцов не сообщает. Поэтому из текста постановления невозможно понять, какие свои действия не контролирует адвокат А. Б. Сидоров, о каких ситуациях идет речь, как именно А. Б. Сидоров не соблюдал регламент судебного заседания.

2. Ложное противопоставление

Одним из противоречий в тексте указанного выше постановления судьи И. К. Федорцова является указание на то, что *«адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы»*. Здесь личное противопоставляется общественному, однако судья И. К. Федорцов никак не поясняет, почему, по каким основаниям затягивание слушания дела является личным интересом адвоката А. Б. Сидорова. Это приводит к невозможности понимания данного высказывания.

Таким образом, противоречия, содержащиеся в тексте судебного решения, привели к тому, что не все слова и фразы текста итогового постановления имеют однозначное значение и понимание, ряд из них допускает различные трактовки.

3. Отсутствие конкретики, смешение частного и общего

В тексте рассматриваемого постановления указано, что в ответ на замечание судьи И. К. Федорцова адвокат А. Б. Сидоров ответил фразой о том, что он не контролировал свои действия и что высказывания адвоката А. Б. Сидорова *«о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса»*. Отсюда невозможно однозначно трактовать, проявляет ли А. Б. Сидоров неуважение к судебной власти вообще или же к судебной власти на конкретном судебном заседании либо на всех заседаниях.

Адвокат Сидоров, со слов судьи Федорцова, говорил только о себе, о том, что это он сам не контролирует свои действия. Однако судья Федорцов каким-то образом переносит слова Сидорова о самом себе на судебную власть и на участников процесса. Поэтому совершенно непонятно, в чем конкретно проявляется неуважение адвоката А. Б. Сидорова к суду и к участникам процесса.

Кроме того, в тексте рассматриваемого постановления имеется пространная ссылка на Федеральный закон:

«В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” и Кодексом профессиональной этики адвоката адвокаты при всех обстоятельствах должны честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности всеми не запрещенными законодательством средствами. Нарушение адвокатами требований федерального законодательства, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, что, в свою очередь, подрывает авторитет адвокатуры, образует волокиту, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Далее в тексте постановления, вынесенного судьей Федорцовым, не сказано, что адвокат Сидоров все это нарушает, поэтому неясно, для чего конкретно в текст частного постановления помещен этот абзац и следует ли из него, что адвокат А. Б. Сидоров исполняет свои обязанности нечестно, неразумно, недобросовестно, неквалифицированно, непринципиально и несвоевременно, нарушает ли он умышленно или по грубой неосторожности требования федерального законодательства, подрывая авторитет адвокатуры, образует ли волокиту. Если же адвокат А. Б. Сидоров все это совершал, то должно быть указано, какими именно своими действиями он это делал, однако такого указания, конкретизации не имеется. Поэтому невозможно установить, является ли этот перечень действий претензией суда к адвокату А. Б. Сидорову или не является.

Резолютивная часть постановления, вынесенного судьей Федорцовым, гласит:

«Суд постановил: обратить внимание президента Адвокатской палаты N-ской области на действия адвоката Сидорова А. Б. при судебном рассмотрении уголовного дела в отношении Рябикина Ф. А. в целях недопущения подобного впредь».

На какие конкретно действия адвоката Сидорова следует обратить внимание, в тексте далее не уточняется. Эта ошибка — отсутствие конкретики — сводит на нет смысл всего постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым в отношении адвоката А. Б. Сидорова.

4. Отсутствие обоснования

Исходя из текста постановления, вынесенного судьей Федорцовым, претензии суда к адвокату Сидорову сводятся к тому, что последний игнорировал неоднократные замечания суда о необходимости соблюдения регламента судебного заседания. Словарное значение слова «регламент» следующее: «1. Правила, регулирующие порядок какой-н. деятельности... 2. Время, отведенное на собрании для речи, выступления»³.

³ Толковый словарь Ожерова // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/206310?ysclid=m376op0prip846420363>.

Из данного определения следует, что у слова «регламент» есть два значения: одно из них касается порядка осуществления деятельности, другое относится к временным рамкам выступления. Тем не менее судья не поясняет, какой именно из этих двух параметров нарушил адвокат Сидоров (или же оба сразу). В тексте также отсутствует указание на конкретные действия А. Б. Сидорова, нарушающие регламент, в частности: какие именно правила, регулирующие порядок проведения судебного заседания, он нарушил и/или на какой период времени А. Б. Сидоров превысил время, отведенное ему для выступления (если такой ограничитель ему был установлен).

Косвенное указание на то, что судья имел в виду второе значение слова «регламент» — временное, содержится в высказывании: *«Суд считает, что своими действиями адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы»*. Однако, во-первых, не указано, что это за действия; во-вторых, слова *«ставя в приоритет свои личные интересы»* не только не проясняют ситуацию, но еще больше ее запутывают, делают текст рассматриваемого определения непонятным. Так, если адвокат Сидоров превышал отпущенное ему для выступления время и при этом «ставил в приоритет свои личные интересы», значит, он на судебном заседании вел разговор не по обсуждаемым в суде темам, говорил не от имени своего подзащитного и не о его проблемах, а о себе лично, о своих собственных проблемах. Но в тексте частного определения не сказано, какие это личные интересы, в чем судья увидел и как определил умышленность его действий, а также почему умышленное затягивание слушания дела является личным интересом адвоката Сидорова.

Следовательно, мнение судьи Федорцова в этой части вынесенного им постановления не содержат реального обоснования претензий к адвокату Сидорову.

Помимо этого, претензии состояли в том, что адвокат Сидоров: а) умышленно превышал время, отпущенное на слушание дела; б) ставил во главу угла свои личные интересы, выступая на судебном заседании; в) проявлял неуважение к судебной власти и к участникам процесса, так как говорил о невозможности контролировать свои действия.

В тексте не указано, по каким основаниям суд считает, что адвокат Сидоров умышленно затягивает время, отпущенное на слушание дела: на какой срок он превысил регламент; в чем именно заключается факт приоритетности собственных интересов адвоката Сидорова в процессе его выступления на судебном заседании. Следовательно, данные претензии суда к адвокату А. Б. Сидорову не содержат обоснования.

Далее судья И. К. Федорцов в качестве обоснования проявления неуважения к судебной власти и к участникам процесса со стороны адвоката А. Б. Сидорова приводит *«его высказывания о невозможности контролировать свои действия»*.

Обратимся к словарному значению понятия «неуважение»:

- «Неуважение... отсутствие надлежащего уважения, непочтительность, пренебрежение»⁴;
- «Неуважение к суду (contempt of court) — действия, которые препятствуют совершению правосудия или конституируют неуважение к законным

⁴ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/126302>.

полномочиям суда. Неуважение к суду может быть подразделено на действия, совершенные в суде (например, непристойное поведение или отказ давать свидетельские показания), и действия, совершенные вне суда (например, запугивание суда или отказ подчиниться распоряжению суда)⁵.

Вполне очевидно, что в этих определениях неуважение трактуется как действие, направленное на объект речи, т.е. на слушателя или читателя текста. Однако адвокат Сидоров, сообщая о невозможности контролировать свои действия, говорит исключительно о себе, т.е. о субъекте речи, как о лице, производящем речь. При этом ни сам Сидоров, ни судья Федорцов не указывают и не обосновывают причину невозможности контролировать Сидоровым свои действия (например, случайность, невнимательность, состояние здоровья, злонамеренность, помехи со стороны кого/чего-либо и т.п.). Поэтому слова Сидорова о невозможности контролировать свои действия нельзя считать обоснованием претензий суда, как это формулирует судья Федорцов.

Таким образом, наличие указанных логико-речевых ошибок привело к тому, что обоснования претензий суда к адвокату А. Б. Сидорову либо отсутствуют, либо не являются таковыми, как это представлено судьей И. К. Федорцовым.

5. Пересказ чужих слов вместо фиксации прямой речи

В тексте рассматриваемого постановления судья Федорцов не приводит непосредственно слова самого адвоката Сидорова, а передает их в пересказе, в форме косвенной речи. Но в этом случае невозможно судить о реальных словах Сидорова.

Как известно, косвенная речь — это способ передачи чужой речи, при котором воспроизводится только содержание высказывания, без сохранения его лексических, синтаксических и стилистических особенностей. Синтаксически косвенная речь представляет собой сложноподчиненное предложение, где в главном предложении передаются слова автора, а в придаточном — само высказывание. В лингвоэкспертологии такого рода языковые единицы не могут служить достоверным источником материала:

«Объектами лингвистической экспертизы являются тексты, непосредственно отображающие речевое событие, представляющее криминалистический интерес. Не принимаются в качестве объектов показания свидетелей, в которых пересказывается речевое событие... если предмет разбирательства — устная речь... так как имеет место подмена объектов исследования... На лингвистическую экспертизу в данном случае необходимо представлять фонограмму или видеофонограмму, непосредственно фиксирующую речевое преступление»⁶.

В этой связи К. И. Бринев подчеркивает: «Необходимо различать *объект* экспертного исследования — речевое произведение, которое имело место в

⁵ Бизнес : толковый словарь / Грэхэм Бетс, Барри Брайндли [и др.]. М. : Инфра-М ; Весь мир, 1998.

⁶ Мамаев Н. Ю. Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-9 : Истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 277.

конкретном месте, в конкретное время, в конкретной обстановке, и *источник информации об этом речевом произведении*, который не равен этому речевому произведению»⁷.

Это положение имеет отношение не только к производству судебной лингвистической экспертизы, но также и к пониманию того, что конкретно произнес адвокат А. Б. Сидоров, *«объясняя свое поведение»*. Остается неизблемым тот факт, что источник информации о речевом произведении не равен этому речевому произведению. Отсюда невозможно установить, какое именно свое поведение Сидоров объяснял, какими именно словами, сообщает ли Сидоров о невозможности контролировать свои действия вообще все и вообще всегда или только какие-то конкретные действия и только несколько раз в ситуации одного судебного заседания.

К сожалению, статистика психологических исследований говорит о том, что в первую очередь «принятие решения зависит от подсознания судьи, которое либо позволяет судье руководствоваться законом в этот момент, либо заставляет руководствоваться эмоциями и делать ошибки, кстати, не всегда исправляемые вышестоящей инстанцией. Там ведь тоже люди...»⁸.

6. Возможность двойственности толкования смысла

Такие проблемы, как двойственность лексического значения слова, грамматической формы слова, грамматического значения предложения, изменение традиции употребления лексического значения и оценочности слов, особенности употребления в устной и письменной речи грамматических форм глагола, вызывающие неоднозначность толкования смысла, нередко приводят к непониманию смысла текста и к необходимости проведения судебных лингвистических экспертиз. Однако в некоторых случаях даже экспертиза не может быть осуществлена в силу нарушения правил русского языка автором речи⁹.

Далее выясним, имеет ли однозначное значение и понимание содержание предложения постановления судьи И. К. Федорцова о том, что высказывания адвоката Сидорова *«о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса»*. Следует определить, в чем конкретно, исходя из этого предложения и из всего текста постановления, состоит «проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса» со стороны адвоката А. Б. Сидорова.

⁷ Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2017. С. 66.

⁸ Хромых Л. Г. Психология и суд. Какие когнитивные особенности участников процесса нужно учитывать для получения положительного решения? // URL: <https://dzen.ru/a/yew4zcganwn8qmmx>.

⁹ Подробнее об этом см.: Рядчикова Е. Н. Проблема двоякого толкования смысла текста: из практики проведения судебных лингвистических экспертиз // Экология языка : сборник материалов III Региональной научно-практической конференции (15 декабря 2021 г.). Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021.

В данной фразе судьи Федорцова делается акцент на неких действиях адвоката Сидорова. Выше в тексте постановления говорится, что действия А. Б. Сидорова, не понравившиеся судье И. К. Федорцову, заключаются в игнорировании адвокатом Сидоровым сделанных им замечаний о необходимости соблюдения регламента судебного заседания. Однако отсутствие действий (игнорирование, не обращение внимания) со стороны адвоката Сидорова не может квалифицироваться именно как «действия». Не обращение внимания, а также объяснение своего поведения адвокатом является не действиями, а коммуникативно-речевым поведением. Кроме того, судья не поясняет, на каком основании он определил умышленность не понравившихся ему действий А. Б. Сидорова и почему затягивание слушания дела является выгодным, приоритетным для адвоката.

О проявлении неуважения говорилось выше. Обратимся к понятию «неуважение к суду», помещенному в Справочнике по судебной лингвистической экспертизе, где сказано, что понятие «неуважение к суду» (ст. 297 УК РФ) предполагает «оскорбление любого участника судебного заседания», а также непременно конкретную адресацию, т.е. указание в речи «лица, которому адресовано оскорбительное действие, в том числе и оскорбительное высказывание»¹⁰.

Однако судья Федорцов не приводит таких действий или высказываний адвоката Сидорова, которые были бы адресованы конкретному лицу или лицам. По этому основному параметру невозможно считать, что имело место проявление неуважения к суду со стороны адвоката Сидорова.

Другим указанным в этом же источнике признаком неуважения к суду является наличие прямого умысла: «Тогда умысел на совершение данного преступления будет эквивалентен умыслу на оскорбление участника судебного разбирательства или лица, осуществляющего правосудие: “Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что унижает честь и достоинство участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, и желает этого”»¹¹.

Однако судья Федорцов высказывает лишь мнение о том, что адвокат Сидоров умышленно затягивает слушание дела, и не приводит аргументов в пользу того, что Сидоров имел умысел, осознавал, что унижает честь и достоинство участников судебного разбирательства и что он желал этого. Таким образом, по этому субъективному параметру также невозможно считать, что имело место проявление неуважения к суду со стороны адвоката Сидорова.

Таким образом, лингвистическим исследованием установлено, что содержание предложения *«Суд считает, что своими действиями адвокат Сидоров А. Б. умышленно затягивает слушание дела, ставя в приоритет свои личные интересы, его высказывания о невозможности контролировать свои действия указывают на проявление неуважения к судебной власти и участникам процесса»* не имеет четкого однозначного значения и понимания и допускает различные трактовки. Исходя из этого предложения и из текста судебного постановления, установить, в чем конкретно состоит «проявление неуважения к судебной власти

¹⁰ Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М. : Ленанд, 2019. С. 49—50.

¹¹ Бринев К. И. Указ. соч. С. 51.

и участникам процесса» со стороны адвоката А. Б. Сидорова, не представляется возможным.

Далее выясним, имеют ли однозначное значение и понимание содержащиеся в резолютивной части рассматриваемого постановления, вынесенного судьей И. К. Федорцовым, выражения «обратить внимание... на действия адвоката Сидорова Арсения Брониславовича при судебном рассмотрении уголовного дела», а также «в целях недопущения подобного впредь». Постараемся выявить, что конкретно подразумевается под этими выражениями.

В первую очередь следует опираться на данные словарей.

«Внимáние... 1. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на чем-н.»¹². Синонимы к словосочетанию «обратить внимание» следующие: указать, сделать акцент, углядеть, выделить, кивнуть, ткнуть носом, акцентировать, засечь, приметить, упереть, заострить, уловить, особо отметить, заметить, сделать упор, выдвинуть на первый план, усечь, подчеркнуть, подметить, оттенить, показать, выпятить, заприметить»¹³.

Отсюда следует, что обратить внимание — это проявить интерес к кому-либо или чему-либо, воспринять кого-либо или что-либо, направить свою деятельность на определенный объект, сосредоточиться на нем.

Исходя из этих данных, выражения «*обратить внимание*», «*на действия адвоката Сидорова Арсения Брониславовича при судебном рассмотрении уголовного дела*» можно понимать как призыв заметить, увидеть действия адвоката Сидорова, которые он совершал в процессе судебного рассмотрения уголовного дела. Однако невозможно установить, какие именно действия А. Б. Сидорова необходимо увидеть, так как ни о каких конкретных действиях, совершаемых им, в тексте судебного постановления не говорится. Неясно также, следует ли обратить внимание абсолютно на все действия адвоката Сидорова, произведенные им во время судебного заседания, или же только на какие-то конкретные его действия. Не указан характер действий Сидорова — оскорбительные, противоправные, унижающие чьи-то честь и достоинство и т.п. Поэтому невозможно однозначно понять рассматриваемую фразу.

Значение словосочетания «*в целях недопущения подобного впредь*» в рассматриваемом контексте установить невозможно, поскольку не указано, что конкретно имеется в виду под словом «подобное» и что с чем необходимо сравнивать, что чему уподобить, чего конкретно нельзя допускать впредь. Словарное значение слова «подобный» таково:¹⁴ В тексте частного постановления говорится только о последствиях действий адвоката Сидорова, но не о самих действиях.

Кроме того, если бы в рассматриваемом высказывании речь шла о недопущении действий адвоката Сидорова, то, в соответствии с нормами и правилами русского языка должно быть так и написано: «в целях недопущения подобных действий впредь». Однако употребленное вместо этого слово «подобного» допускает

¹² Толковый словарь Ожегова // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/25214>.

¹³ Словарь русских синонимов // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/254285/обратить?ysclid=m37ov3pxnw213663471.

¹⁴ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/166282?ysclid=m37pj70kcu443565349>.

и иные трактовки, не указывает на однозначное понимание и не предполагает такового. С позиций лингвистики выражение «в целях недопущения подобного впредь» в данном контексте может также относиться к судебному рассмотрению уголовного дела.

Таким образом, невозможно однозначно понять и трактовать фразу из постановления, вынесенного судьей Федорцовым, «в целях недопущения подобного впредь».

Итак, составление юридически значимого документа, а также принятие решения о вынесении судебного решения и определение того, каким именно будет данный текст, — это серьезный мыслительный процесс его авторов, сопряженный с анализом, компаративистской деятельностью, и как итог — получение судебного решения в виде правового акта без двоякого толкования. А неоднозначная трактовка судебного решения другими лицами, не совпадающая с изначальной мыслью его авторов, обусловлена в основном иным образом их мышления и экстралингвистическими причинами.

Всё сказанное убедительно подтверждает тот факт, что повышение грамотности устной и письменной речи преследует не только личностные, эстетические, но и сугубо утилитарные, практические задачи, от которых нередко зависит разрешение судебного спора между противоборствующими сторонами, а в ряде случаев и судьба других участников судебного заседания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бринев К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М. : Ленанд, 2019. — 200 с.
2. *Бринев К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. — 3-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2017.
3. *Куршакова Т. Д., Рядчикова Е. Н., Схалыхова С. Ш.* Манипулятивность и скрытая интенциональность формулировок вопросов для лингвистических экспертиз // Казанская наука. — 2022. — № 6. — С. 149—155.
4. *Мамаев Н. Ю.* Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-9 : Истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. — Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. — С. 277—282.
5. *Рядчикова Е. Н.* Проблема двоякого толкования смысла текста: из практики проведения судебных лингвистических экспертиз // Экология языка : сборник материалов III Региональной научно-практической конференции (15 декабря 2021 г.). — Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021. — С. 55—62.
6. *Рядчикова Е. Н., Хитарова Е. Г.* Когнитивно-языковые процессы принятия закона и его трактовки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — № 3. — С. 172—175.
7. *Шипков К. А.* Когнитивно-деривационный и интерпретационный потенциал языка права (на материале терминосферы «Теория государства и права») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь : СтавГУ, 2004.

